

© 2009 г. Т.М. НИКОЛАЕВА

О «ЕДИНСТВЕ ОНОМАСТИКИ» И/ИЛИ О НОВОЙ ВЕТВИ «АНТРОПНИМИКИ»

*Вячеславу Всеволодовичу Иванову
к 80-летию посвящается*

Основная мысль статьи – очевидный распад современной ономастики на ряд разных «ветвей»: топонимику, антропониимику и изучение «имени-в-тексте». Каждая из этих ветвей связана с определенной содержательной инфраструктурой. Последней упомянутой ветви ономастики и посвящена настоящая статья, в которой сочетаются чисто метатеоретические и обзорные фрагменты. Большое место в работе уделяется связи семиотического направления в науке и изучения смысловых связей текста.

1. Настоящая статья может показаться обзорной. И, действительно, работа над ней требовала активного введения иллюстративного материала. Однако задача автора – не только продемонстрировать наблюдения, для филолога безусловно небезынтересные, но и постараться поставить в дискуссионном порядке ряд проблем метатеоретического характера, относящихся к языкознанию. Попытка ответить на эти вопросы будет сделана в конце статьи.

Итак, какие же это проблемы:

- Различается ли в системном, то есть, в содержательном плане, интерпретация фактов топонимики и антропониимики? Какая содержательная система надстраивается над этими ветвями ономастики? То есть можно ли говорить об ономастике как об единой науке?
- Почему для многих языковедов поле исследования ограничивается лексемами и/или рамками изолированного высказывания, т.е. не вводится для верификации высказанных положений даже минимальный контекст-конвой?
- Почему у филологов вообще интерес к пониманию (интерпретации, анализу) текста затерялся где-то между работой с изолированным высказыванием и работой по изданию текста, подготовкой рукописи к печати, изучением его истории, комментированием и т.д.?

2. Статья в основном демонстрирует относительно новые и специфические аспекты изучения антропониимики. Поэтому целесообразно в начале ее сказать о тех вопросах изучения имени собственного, которых я не касаюсь. Это: философский аспект проблемы, ее богословский аспект, типология конфессиональных и этнических особенностей именнаречения. (Специально здесь не будет обращения к реконструкции мифологических сюжетов и мотивов.) Кроме того, в целях создания более четкой картины, не анализируются зарубежные работы по антропониимике, а также многочисленные Словари личных имен, даже изданные недавно.

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Имя: семантическая аура».

3. Обратимся к определению ономастики, данному ее наиболее авторитетным и известным исследователем – А.В. Суперанской: «Ономастика – часть лингвистики, но часть, не вполне укладывающаяся в рамки целого» [Суперанская 2007: 9]. Возникла ономастика как прикладная наука, полезная историкам, географам, литературоведам. Когда к этим исследованиям подключились лингвисты, ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину [Там же: 8]. «Итак, быть собственным именем – это свойство определенной лексической единицы, а не ее функция» [Там же: 107]. «Реальность или нереальность объекта для ономастики несущественна» [Там же: 133]. Сделав важное замечание о том, что у имен собственных представлена лишь омонимия, а полисемия им принципиально не свойственна [Там же: 292], А.В. Суперанская посвящает значительную часть своей книги типам взаимоперехода нарицательных имен в собственные и обратно.

А.К. Матвеев определяет науку об именах собственных тоже с «лексической точки зрения» [Матвеев 2006]: «Ономастов интересовала сущность собственного имени, его языковой статус, возникновение имен, их жизнь в обществе, история, судьба и, наконец, окутанная флером мистики загадка тысячелетней давности – связь имени и человека» [Там же: 3]. Признавая воздействие имени на человека, А.К. Матвеев предполагает, что его материальной базой являются прежде всего фонетические и смысловые ассоциации. Очень интересная книга А.К. Матвеева практически почти вся посвящена тщательно проработанной топонимике европейского Севера России. Из нее можно узнать множество нетривиальных и увлекательных закономерностей топонимической номинации, в основном, как правило, относящихся к «картине мира» – как общечеловеческой, так и этнотипологической. Например, автор показывает, что «чем объект протяженнее (“линейнее”), тем чаще его название нейтральное, чем объект меньше (“обозримее”), тем вернее образное его название» [Матвеев 2006: 93]. Поэтому различаются реки и озера. В то же время одну и ту же вершину Северного Урала русские называют «Стопп», коми – «Гнездо ветра», манси – «Баба-идол» [Там же: 117]. Итак, если не считать поздние социально обусловленные номинации, топонимика, как показывает А.К. Матвеев, опирается на вполне четко структурированную систему отражения в сознании человека облика планеты Земля: «Миру реальных на земле соответствует мир камней в горах и мир созвездий на небе» [Там же: 120].

Термин «ономастика» предлагается в этой книге заменить более общим «ономатология», т.е., насколько можно понять, это ономастика плюс ее метатеоретическая надстройка.

Если в центре внимания А.К. Матвеева находятся «натуральные» имена топонимии, то, напротив, последовательница его школы М.В. Голомидова [Голомидова 1998] посвятила свою книгу искусственным антропонимам, в наибольшей степени – псевдонимам. Ею собран огромный набор сведений об искусственной номинации у отдельных народов и описана эволюция искусственных номинаций в разных культурных традициях. И здесь – в продолжение положений Матвеева – исследовательница демонстрирует доминирование общечеловеческой установки на позитивную норму и на стремление в то же время выделиться, быть чем-то большим (неслучайно мы говорим, как это многократно описывалось в работах о «картине мира», о ширине, но не об ужине, о высоте, о длине и т. д.). Поэтому в искусственных номинациях доминирует небо влажное, но не сухое, не бледное, но яркое: Закат, Зарница, Восток – «активное творческое начало». А «опорные смыслы творчества – это: небо – огонь – живое на земле» [Голомидова 1998: 106]. (Разумеется, автор достаточное внимание уделяет и псевдонимам из престижных прецедентных текстов вроде *Некто в Сером* Л. Андреева > *Некто* + *Х*.)

Я остановилась на трех последних отечественных больших публикациях работ по ономастике. Характерно, что в них имя прежде всего – это слово¹. То есть, в них отра-

¹ Правда, как отмечает Вяч.Вс. Иванов, древнегреческое *ὀνόματα*, скорее, ближе к современному «концепту», чем к «имени» [Иванов Вяч. 1998: 613].

жен языковедческий подход, который условно можно назвать «лексикологическим» («Фонологическая» парадигма 30-х и 40-х XX века сменилась затем отчетливо «морфологической», а на смену пришла парадигма «семантико-лексикологическая»).

Очень показательной в этом отношении была статья Е.Л. Березович, опубликованная в 2001 году [Березович 2001]. Автор очень подробно описывает пять этапов развития ономастики в России, но признает явную «неслаженность» работ в области ономастики последнего десятилетия: «“Смутное” состояние ономастики (и особенно – ономастической теории) ощутимо проявилось в следующей ситуации: на состоявшейся в феврале 2001 г. в Институте славяноведения РАН конференции “Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст”, которая прошла в целом очень интересно и плодотворно, самым “разношерстным” было заседание “Имя в контексте общей теории” – представленные здесь доклады практически не имели точек соприкосновения» [Березович 2001: 39]². С этим положением нельзя не согласиться. Но – *audiat et altera pars*! Быть может, именно в этом и состояла цель организаторов этой конференции (не побоюсь сказать, что именно я была организатором и идеологом этой конференции) – а именно, показать, что из традиционной ономастики уже давно и ярко отпочковалось совсем другое направление и пора его признать и дать ему дорогу в «большую» (выражение Е.Л. Березович) лингвистику. Как кажется, цельность научного направления определяется не какой-то объединяющей «теорией»³, а структурированностью и определенностью системы, через которую интерпретируются исследуемые факты. Именно такая ясная по инфраструктуре система вытекает из работ А.К. Матвеева по топонимике. Но – по топонимике, а из фактов книги М.В. Голомидовой проглядывает уже иная содержательная система интерпретации. Характерно, что именно в соответствии с взглядами автора настоящей статьи итальянская славистка Л. Сальмон замечает в связи с публикацией Е.Л. Березович: «На наш взгляд, элемент “смутности” следует связать с заметным отделением современной русской семиотики от традиционной ономастической школы (это ясно проявилось на упомянутой Березович конференции “Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст”, где проблеме “имени” трактовали совершенно отдельно от ономастики)» [Сальмон 2002: 12].

4. Итак, обращаемся к тому, что слово реализует свои «смысловые ассоциации» всегда в тексте или в контексте. Почему же лингвисты, как правило, обращаются к этим смысловым коррелятивным связям неохотно? Возможно, потому, что слово в тексте может жить своей особой жизнью и иметь иную смысловую функцию, чем в реальном коммуникативном существовании. Возможно – хотя это только гипотеза – что это почти ирреальное существование от текста к тексту различается. Возможно и потому, что воздействие на человека в тексте основывается не только на «фонетических и смысловых его ассоциациях» словарного статуса, а на чем-то ином.

О том, что многие имена (и слова) представляют собой небольшой свернутый текст, часто мифологического характера, писал, конечно, еще А.А. Потебня: «Всякое слово с живым представлением, рассматриваемое со своим значением (одним), есть эмбриональная форма поэзии <...> Мифическое мышление на известной степени развития – единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной степени развития мысли; оно формально, т.е. не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского и научного.

² Выход из положения Е.Л. Березович видит в создании объединяющего «ономастов» журнала. И, действительно, статьи в выпусках «Вопросов ономастики» (2004, 2005, 2006 годы) сами по себе очень интересны и удачны, но так же «разношерстны», что и побудило меня написать данную статью.

³ Строго говоря, какую «теорию» морфологии, синтаксиса, словообразования и т.д. мы имеем в современном языкознании, где под «теориями» понимаются совсем другие вещи?

Результаты этого мышления становятся известны человеку (= это мышление сознательное в своих результатах) вследствие того, что они выражаются внешними знаками (пластическими, живописными, мимическими) и преимущественно словом. Таким образом *миф* есть преимущественно *словесное произведение*» [Потебня 1990: 303].

Но наиболее ясно о роли имени в тексте было сказано П. Флоренским: «Имя – новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна» [Флоренский 2007а: 27] и далее: «Итак, несомненно, в искусстве – внутренняя необходимость имен – порядка не меньшего, нежели таковая именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себе духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имен» [Там же: 41]. Анализируя удачу Бомарше в выборе имени Сюзанна, Флоренский показывает различие «обликов» у Сюзанны – Сюзетты – Сюзон.

Но подлинным духовным центром, «родником» – воплощенным и фонетически, и семантически в поэме А.С. Пушкина «Цыганы», П. Флоренский считает имя *Мариула*⁴.

Прекрасно понимая, что «с данным именем можно быть святым, можно быть обывателем, а можно – негодяем и даже извергом» [Флоренский 2007б: 111], Флоренский связывает ауру имени и с реальной исторической социализацией. Так, личность Екатерины Второй повлияла на значимость имени *Екатерина*. Напротив, восходящее к имени магистра тамплиеров имя Якова (Жака) де Моле влияет на комплексы *Жакерия*, *якобинизм* и под. Но все-таки, и по его мнению, в именах «есть что-то, ускользающее от рационалистического анализа» [Там же: 72]. Нельзя при этом забывать, что о. П. Флоренский был ученым, отличившимся именно в точных науках. Однако уже тогда он приближался к теории интуитивного познания, о которой сейчас пишут многие теоретики науки. П. Флоренский понимал, что позитивизм боится «иррационального». Между тем оно тоже рационально, но на уровне нашего подсознания, уже освобожденного в настоящее время наукой (целыми областями и ветвями психологии) от таинственности. Поэтому некоторые положения Флоренского удивляют своей современностью, даже в сфере терминологии. Ср. «Имена можно отчасти сравнить с наследственными родовыми типами в генетике, с конструкциями психопатологов, со сложными радикалами в химии <...> Знатоки (т. е. исследователь-специалист. – Т.Н.) отличаются не суммой сведений, а глубоким вживанием <...> Подлинное логическое сознание открывает в этом хаосе некоторые архетипы. Имена и должны быть рассмотрены как такие инварианты личности. Это архетипы духа. <...> Имена, как другие познания, всегда признаются мыслью, далекой от рефлексии, пока сбивающие вопросы и представленные трудности не собьют ее с наивной, но глубокой интуиции на путь сознательного, но поверхностного анализа» [Флоренский 2007б: 90–91].

Идеи Флоренского спустя десятилетия были подхвачены В.Н. Топоровым и Вяч.Вс. Ивановым и вслед за ними – Московской семиотической школой в целом. Как пишет В.Н. Топоров: «Имя в своей тайне превышает способности среднего человека, находящегося вне пространства, в котором можно уразуметь тайну имени и именословия» [Топоров 2004а: 373]. Таким образом, у *homo sapiens*, по его мнению, оставались две возможности: а) превратить имя в условный произвольный индекс; б) напротив, посеять в этом имени семена смысла, т. е. «знаки высшей энергии» [Топоров 1989]. О работах В.Н. Топорова по «имени-в-тексте» будет в этой статье написано еще очень много, но вспомним и слова А.К. Матвеева о «наконец окутанной флером мистики загадке тысячелетней давности – связи имени и человека» [Матвеев 2006: 3]. Таким образом я не могу согласиться с тезисом Е.Л. Березович о том, что «вообще создается

⁴ Необходимо сказать сразу, что, излагая ту или иную точку зрения, я не всегда к ней присоединяюсь и ее разделяю; считаю, однако, нужным ее изложить, чтобы показать, что такая точка зрения существует.

впечатление, что научные центры республик занимаются ономастикой активнее, чем, к примеру, столичные ученые» [Березович 2001: 38].

См. также у Вяч.Вс. Иванова (в связи с происхождением имени Кухулина): «Внутренняя форма имени мифологического или эпического героя часто может быть объяснена ситуацией (или набором ситуаций), с которой прежде всего связывается этот герой. В таких случаях это имя может рассматриваться как минимальный текст, являющийся переводом соответствующей ситуации. Эта ситуация может быть полностью (или почти полностью) восстановлена благодаря анализу более обширных мифологических и эпических текстов, в которых употребляется соответствующее имя (это последнее можно рассматривать как минимальный текст, включенный в состав более пространных текстов, соотносящихся с этой же ситуацией). Если в родственной языковой и мифологической традиции сохраняется имя, по внутренней форме совпадающее с исследуемым именем, то и для этой второй традиции можно реконструировать соответствующую ситуацию, хотя она в этой второй традиции отражена лишь в имени – минимальном тексте, но не в более обширных текстах» [Иванов Вяч. 1964: 451]; см. также [Иванов Вяч. 1976].

Можно высказать предположение, что загадкой все же является не интерес к поэтической функции имени и ее смысловому конвою, а отсутствие внимания широкой лингвистической мысли к этому направлению. (Могу сказать от себя лично, что я неоднократно сталкивалась, принимая экзамены и оппонируя, с тем, что многие работы, из числа указанных мною ниже, исследователи с интересом читали, хорошо знали, но – не ссылались, очевидно под влиянием «дисциплинарной матрицы» (термин Т. Куна) господствующей лингвистической парадигмы, диктуемой путями науки, но не конкретными людьми.) Между тем работ об имени становится все больше и флер таинственности постепенно – как я постараюсь показать далее – сменяется формирующимися научными и вполне общедоступными методами.

5. Однако семантический ореол имени собственного оставался бы чем-то существующим на уровне интуиции для немногих избранных, если бы на рубеже 80-х гг. XX века не появились бы труды В.Н. Топорова о тексте как структурированном пространстве. Идею эту он разрабатывал многократно и все более детально. Наиболее известной в этом плане стала его развернутая статья «Пространство и текст» [Топоров 1983а], перепечатана в [Топоров 1997]. В 1994 г. появилась изданная в Италии и книга В.Н. Топорова «О мифопоэтическом пространстве» [Топоров 1994]. Эта идея сразу оказалась конструктивной. Она представляет текст как структурированное пространство, части которого не только развиваются сукцессивно, но и связаны определенным образом между собой. Особенно явно такая структура обозначается в «мифопоэтическом» пространстве⁵.

Пространство, в котором существуют антропонимы, обладает хронотопами разной векторной направленности. Так, оно может быть и вертикально, и горизонтально ориентированным.

Что это значит?

Вертикальная ориентация предполагает соединение в виде «скрытой памяти» одноименных персонажей – так, что они могут в сознании носителей языка «кивать друг на друга» (термин В.Н. Топорова), относясь к разным эпохам и разным социальным слоям. В «Предисловии» к книге А.Б. Пенъковского «Нина» В.Н. Топоров пишет: «Спустя годы я понял, что сначала подсознательно, а потом и сознательно я выстраивал линии частных номиналистических мифов. И со временем совпадение определенных имен у разных авторов одной или разных эпох стало для меня неким важным указани-

⁵ Можно считать, что так называемая «лингвистика текста» потому перестала развиваться, что ориентировалась на ровно движущуюся и последовательную сукцессивность, ограничивая себя проблемами когезии, анафорики, кореферентности и под.

ем и проблемой стало отделение случайного и немотивированного от сущностного и мотивированного» [Топоров 2003: 17].

Диапазон рассеяния имени, как пишет В.Н. Топоров, восходит к одному персонажу: Илья-Пророк – Бог-Громовержец – святой Илья – Илья Муромец – Илья из детского фольклора [Топоров 2004б: 364]. См. и другие предложенные им ряды: Сидор / Марья – Сидор Карпович – Козлиный облик; Матрена Карповна – Марена – Макрина, Марина, Мара; Прасковья – Параскева Пятница – Мокошь. «Повторяемость имен в истории, особенно мифопоэтической, не случайность, не исключение, а потребность и закономерность, обнаруживающая глубокий и тайный смысл» [Топоров 2007а: 112].

Например, говоря об имени Илья в ономастиконе Андрея Платонова, М.А. Дмитриевская связывает [Дмитриевская 2001] героя трех разных произведений по имени Илья с Ильей-пророком и со змееборческим мифом. Исследовательница показывает, что все эти герои связаны с электричеством, *белыми бичами огня*, с летом как временем действия и под.

Предполагается, что и в сознании «мифа» о реальном историческом персонаже участвует «имидж» этого имени в авторитетной духовной традиции: «Сближая два имени, реального лица и сакрального персонажа, реальность подключают к традиции, в событиях сегодняшнего дня усматривают воспроизведение освященных этой традицией моделей поведения» [Кагарлицкий 2003: 209].

Естественно, что в народном творчестве сущность древнего имени сохраняется, хотя и приобретает новые черты. Таков, например, «Пословичный Фома», описанный Ф.Н. Двинятиным [Двинятин 2001]. Совокупность народных текстов о Фоме дает возможность увидеть в нем евангельского неверующего апостола Фому (*Фому неверного*). «Пословичный портрет Фомы позволяет увидеть в нем носителя инаковости, придерживающегося альтернативных сценариев поведения и существующего в смысловом пространстве между плохим человеком, дураком и шутком» [Двинятин 2001: 143]. Итальянская славистка К. Соливетти [Соливетти 2001] связывает с ним и гоголевского Хому Брута из «Вия».

Большое исследование В.Н. Топорова посвящено мифопоэтическому образу Семена и Семеновны в русской народной традиции [Топоров 2001б]. Семенов собрано в этой статье много. Это и «сыпь, Семен, да подсыпай, Семен» и многочисленные Семены у Достоевского, рабочий парень Сенька в «Кирпичиках» и т. д. Становится очевидно, что «самая внутренняя и самая существенная связь имени *Семен*, конечно, с семенем-семенами и, следовательно, с сеянием как зачинателем новой жизни» [Там же: 73]. См. его движения: *семенить* – «акцент на скорости, проворности бесспорно вторичен. В сердцевину смысла вводит идея дробности-мелкости, как бы рассыпчатости движения» [Там же: 77]. Это имя «обозначает героя мелковатого, незначительного, сомнительного, иногда смешного (между прочим, и в силу ассоциации эротического толка)» [Топоров 1995а: 152]. (В личной беседе с В.Н. Топоровым мы обсуждали, что Семен – никак не крестьянин, не купец, а скорее – рабочий или матрос⁶.)

В последнее время в традиционной культуре описан и Афанасий [Березович 2007], у которого коннотативные связи «внутри сети настолько сильны, что в некоторых своих участках она превращается в сплошное полотно текста, обладающее признаком когезии» [Там же: 385].

Вертикально и горизонтально ориентированные тексты могут соотноситься друг с другом, изменяя коннотативную ауру имени, а не только сохраняя ее. Приведем три примера. В книге «Нина» [Пеньковский 2003] А.Б. Пеньковский указывает на существование в русской литературе первой трети XIX века некоего (почти виртуального) образа «Нины». «Нина этого мифа – прекрасная женщина, живущая всепоглощающе-

⁶ Ср. у М. Шолохова рабочего Семена Давыдова, посланного в колхоз. См. также песню 20-х годов XX века о встреченном на вечеринке Сеньке, который «идет, его шатает, словно лодочку» в точном соответствии с описанием В.Н. Топорова.

ми страстями, которые она не может удовлетворить и во имя которых готова пренебречь принятыми в обществе роковыми законами» [Там же: 67]⁷. Но со временем Н и н а от возвышенного движется к низменному, сохраняя коннотации своего основного мифа. Она становится – Нинкой. Но все-таки роковой: «Сегодня Нинка соглашается, сегодня жизнь моя решается <...> А если Нинка не капризная, распоряжусь своею жизнью я». Второй пример такого мифа – С в е т л а н а» [Душечкина 2001; 2007]. Романтичная и прекрасная Светлана из баллады В. Жуковского, пройдя долгий путь, связанный с именем дочери Сталина, в конце концов также становится Светкой, девушкой доброй души и не очень нравственных правил. Третий пример. «Три сестры» А.П. Чехова в русском сознании – это В е р а, Н а д е ж д а, Л ю б о в ь. Прогнозируемым образом обольстительную и грешную героиню следующей пьесы должны звать Любовь (Андреевна Раневская. – Т.Н.). Как было подсчитано мной, в 95% ее реплик и обращений к ней говорится о любви. И еще в начале XX века это имя также имеет некие романтические коннотации – вплоть до «Любови Яровой» К. Тренева. Но потом и она становится – Любкой [Николаева 2001]. Вероятно, таких случаев «игры имени на понижение» можно назвать много. Это – частный случай исторической семасиологии антропонимов.

6. Одним из ключевых моментов теории антропонимики является соотношение имени собственного и имени нарицательного. А именно – важно понять, что порождает другое, т.е. что является первичным (в тех случаях, когда это неясно) и каковы условия подобных переходов.

О переходе имен собственных в нарицательные пишут во многих изданиях по ономастике. Этому посвящен специальный раздел книги А.В. Суперанской [Суперанская 2007], где она справедливо указывает на неперемное условие известности денотата при подобном переходе: *наполеоны, чичиковы* и под.⁸ Интересно наблюдение С.Л. Ивановой [Иванова 2001] о том, что бесконечно повторяющийся ряд антропонимов (стихотворение «Русские в Нью-Йорке») вместо «вырывания из ряда» приводит к возвращению в ряд, «передает имени собственному функцию имени нарицательного».

Проблема подобного перехода интересовала многих, в том числе и последователей иных концепций, и в более раннее время: «И у Марра, и у Леви-Брюля есть общее. Это констатация очень зыбкой и относительной границы между собственными и нарицательными именами» [Вельмезова 2001].

Более сложным является вопрос о подобных переходах в древности. Так, А.К. Матвеев [Матвеев 2006: 89] высказывает мнение о длительности перехода от имени нарицательного. В.Н. Топоров относится к идее первичности нарицательного имени с осторожностью, предполагая здесь возможность реципрокного движения. Что было раньше – понятие 'огонь' (Agni) или божество огня (Agni)? [Топоров 2001a]. И все же именно им предложены смелые предположения о связи имени иранского Митры и славянского *миръ*. «Одна из существенных особенностей мифопоэтических текстов состоит в возможности изменения границ между именем собственным и нарицательным вплоть до перехода одного в другое» [Топоров 1995б: 208]. Об этом же пишет и Т.Я. Елизаренкова, анализируя антропонимы в «Ригведе» [Елизаренкова 2001].

Об этой сложности в идентификации имени можно говорить, анализируя и более поздние тексты. Так, несомненно, что в «Слове о полку Игореве» мы имеем два

⁷ Важно здесь не пройти мимо замечания А.Б. Пеньковского о том, что «Как это вообще характерно для мифов нового времени, миф о Нине не имеет основного текста» [Пеньковский 2003: 70]. Но трагедию героини «Маскарада» А.Б. Пеньковский объясняет тем, что ее подлинное имя – Настасья, а муж принимает ее за роковую Нину.

⁸ Правда, Н.Г. Брагина [Брагина 2001] считает, что в данных случаях закрепляется часть образа. Поэтому не говорят «наполеоновские неудачи», «наполеоновская катастрофа», так как все же Наполеон «является одной из фигур романтического дискурса».

«солнца» – солнце реальное, которое «свѣтитъся на небеси» и затмевается в начале похода Игоря, и божество Солнце, к которому с мольбой обращается Ярославна и которое мстит Игорю за пренебрежение знаменем (подробно об этом [Николаева 1997]).

Однако антропоним, появляющийся в тексте, можно в некоторых случаях считать по форме чем-то средним между именем собственным и именем нарицательным. Об этом, как кажется, можно говорить в тех случаях, когда имя включает в себя некий суффиксообразный элемент. См. у В.Н. Топорова: «Вполне достоверно и надежно элемент **mir-* присутствует лишь в славянских языках, причем во всех без исключения» [Топоров 1993: 17]. В цитируемом исследовании приводится около полутора десятка славянских имен на **mir/mér*. Вторым таким повторяющимся ключевым элементом В.Н. Топоров считает **slav-*. Но, кроме этих ключевых двух элементов, В.Н. Топоровым выделяются и элемент **gor-* [Топоров 1983а], **bog-* [Топоров 2007б]. Все эти элементы, однако, нельзя считать продуктом законченной грамматикализации. Так, элемент **mir-* отражает проекцию на славянское пространство имя иранского божества Митры и его культа (работы В.Н. Топорова по этому вопросу многочисленны, но их обсуждение может увести от собственно антропонимической проблематики). Элемент **slav-* связан с общей этимологией славянства; элемент **gor-*, анализируемый в связи с былинным Святогором, относится к вертикальному миру, противопоставляемому Матери-Сырой-Земле. Элемент **bog-* связан с Божеством раздачи удачи (*bhaga-*).

Подобные элементы возникали и позднее. Так, Л.Г. Невской подробно исследовались славянские имена с элементом **gost'* – и сам концепт «гостя» в славянском концептуальном пространстве [Невская 2001]. Сходные наблюдения делают на материале «Младшей Эдды» А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский: «Возможно, “Младшая Эдда” представляет нам в неожиданной полноте образчик того, как имя функционировало в мифе, делая проницаемой границу между именами предметов, людей и богов» [Литвина, Успенский 2001: 95]. Так, Вяч.Вс. Иванов, вслед за поэтом Вячеславом Ивановым, видит в имени тирса Диониса именование самого Диониса, то есть, 'бога винограда' [Иванов Вяч. 2001а; 2001б].

Таким образом мы действительно видим в древних именах некий текст, возможно, свернутый миф, или даже текст, который можно назвать поэтическим. Литовский исследователь С. Валянтас пишет: «Многие индоевропейские антропонимы по своей форме и содержанию напоминают небольшие стихотворения, и делаем вывод, что антропоним такого типа по своей сути является текстом» [Валянтас 2001: 57].

Интересно то, что возникший недавно у нас в стране неопаганизм вновь потребовал «текстоподобных» мифообразующих имен. Так, И.А. Седакова, проследив по Интернету имена «неоязычников», пришла к выводу, что «стремление к прозрачности имени, нередко идентичному прозвищу, кличке, продиктовано верой в то, что имя отражает важнейшие индивидуальные свойства последователя традиции, его идеологические и религиозные воззрения, практические интенции» [Седакова 2007: 107].

7. Множество мотивов, соединяемых в вертикально ориентированном тексте (мифопоэтическом или тексте народной традиции), дает возможность, казалось бы, не соединяемых контактов с номинированным персонажем. Приведем ряд примеров таких соединений, выявленных В.Н. Топоровым в разных традициях. Они связаны уже не столько с именами, сколько с образами. Речь идет о таких персонажах как былинный Святогор, легендарный вождь мирмидонян Ахиллес, мифологический страдалец Тантал, балтийский *Puš(k)rait*, герои русских речений Макар (Макарка) и Сидор (Сидор Карпович).

В исследованиях В.Н. Топорова со всей лингвистической убедительностью демонстрируется, что вокруг каждого из этих имен в буквальном смысле соткан текст, который, правда, может показаться гетерогенным.

Святогор, наиболее загадочный из русских былинных богатырей, не свой и не чужой. Текстологически он связан не со Святой Русью, а со Святыми Горами, т.е. это зона, пограничная с Эстонией, где существует в мифологии Колыван-богатырь (в эстон-

ской традиции – Калеви-поег). Здесь «имя Святогор и стоящая за ним идея святости может быть четко противопоставлена знаку “чужого” в его трактовке на языке “своего”. В этом смысле кристаллизация смысла “святой” не только своего рода оберег, но и вызов “чужому”, кодируемому элементом чуд-» [Топоров 1983б]. Этот персонаж – как бы Человек-Гора, Гора-Человек, недаром он называется Святогором Горынычем, что уже ведет к Змею Горынычу, т.е. хтоническому персонажу. Святогор чудовищно силен, но малоподвижен, одинок и у него одна судьба – «уйти, умереть, стать землей, камнем» [Там же: 100]. Он – человек Горы – противопоставлен плоскому: Матери-Сырой-Земле, которой верно служит Илья Муромец⁹.

Как ни странно, чем-то близок к Святогору (в трактовке В.Н. Топорова) и Ахиллес. «Большую часть времени Ахиллес пребывает в бездействии. Редкие вспышки активности носят скорее негативный и деструктивный характер» [Топоров 1986а: 26]. Но в поэме происходит актуализация, развертывание его имени. Его имя 'Αχιλλεύς связано с 'Αχαιοί ('ахейцами') и в то же время оба слова связаны с концептом ἄχος ('страдание, мучение'). Именно эти основы определяют развертывание сюжета, «гнев» Ахилла, его неудачи, обиды, потерю близкого друга. Но В.Н. Топоров обращает внимание и на то, что Ахилл имеет эпитет «остроногий», а мать его – Фетида, nereida, дитя глубин. Он – вождь мирмидонян, а μύρμηξ – это муравьи. То есть герой возвращается через текст к мифу о борьбе с хтоническим началом и тогда «типологически ближайшие параллели обнаруживаем в ближневосточном ареале (Двуречье, Угарит, Малая Азия, Египет» [Топоров 1986а: 36]. Точно так же связи его имени [Топоров 1986б] объясняют поступки Тантала в тексте мифа: *tant-al 'усиленно тянущийся', см. греческие τανύω, τείνω ('протягивать, тянуть').

Семиотический анализ текста, как уже говорилось, прежде всего предполагает увидеть в тексте «неочевидные смыслы», однако вполне верифицируемые, которые в то же время помогут раскрыть семантическое ядро текста, часто таящееся в глубинах древности.

В частности, этимология, которая часто бывает верной, но никуда «не работает», в рамках общей концепции анализа текста помогает увидеть этимологические составляющие, которые оказываются ключевыми мотивами не только текста, но и ритуала. Так, в детских играх столб, пень, колода, как пишет В.Н. Топоров, часто играют роль змеи. Привлекаемая этимология объясняет славянский обычай сжигать в Сочельник дубовое полено (статья В.Н. Топорова о питоне и бадняке, см. [Топоров 2007б]), поскольку первоначальное значение «змей» расширяется до 'змей в бездне' > 'змей у корней мирового дерева' > 'враг'.

Все русскоязычные знают присказки о *Макарке, который телят гоняет* и о *сидоровой козе* (поскольку статья посвящена только антропонимам, то такие речения как *После дождичка в четверг* и под. здесь не раскрываются). Макарка, умирающий «блаженной смертью в воде», реализует ключевые семантические мотивы своего антропонима через греческое Μακάριος/Μακάριος, то есть 'блаженный' и славянский корень *mak-/tok- ('мокрый'). Отсюда рождается этот сюжет [Топоров 2007в].

Известный владелец сидоровой козы (к тому же – наказуемой) формирует одну из самых иллюстративных русских фамилий – Сидоров. Старорусское сценическое действие «похороны Сидора Карповича», рассмотренное В.Н. Топоровым на базе многообразного литературного и квазилитературного материала, тоже ведет к древней индоевропейской мифологии [Топоров 2007г].

Итак, мы сейчас имеем в коммуникации некие словесные «осколки»: гонящего телят Макарку, сидорову козу и под. Школа анализа текста-конвоя вокруг антропонима выступает здесь в качестве палеонтолога, собирающего из них единое целое.

⁹ В дополнение идеи В.Н. Топорова можно добавить, что образ «чужого» Святогора мог родиться только на плоском ландшафте, вряд ли подобный образ мог появиться где-нибудь в высокогорной местности.

8. Все, сказанное выше, относилось к так называемому вертикальному тексту, т.е. функционированию антропонима в рамках временной протяженности. Между тем школа изучения «имени-в-тексте» ставит своей задачей понять, почему в тексте употреблено то или иное имя и решить загадки вариантного выбора, если он существует. То есть мы переходим к горизонтальному плану существования текста, проще говоря – к тексту в его обычном понимании.

О «горизонтальном» пространстве можно говорить больше и здесь в рамках школы «имени-в-тексте» наблюдается большое разнообразие научных направлений. Пройти можно по ним, собирая из более мелких осколков более крупные.

Разумеется, в первую очередь необходимо говорить об исследованиях, относящихся к сфере а н а г р а м м.

Как известно, теория анаграмм впервые была разработана Ф. де Соссюром при анализе ведийской поэзии, германского аллитерационного стиха, греческого эпоса. «Основание для анаграмм могло быть религиозным (включено имя бога, но и чисто поэтическим)» [Соссюр 1977: 642]. Вот примеры анаграмм, приводимых Ф. де Соссюром:

Taurasia Cisanna Samnio cēpit – анаграмма латинского имени Scīpio;

Agni Angiras – анаграмма ведийского божества огня Агни;

Ὅρσας ἀργαλέων ἀνεμῶν ἀμεγάρτων αὐτιήν – анаграммируется имя царя Агамемнона. Разумеется, сам Соссюр мучился над вопросом о том, «в какой степени анаграмматические построения осознаются самими поэтами» [Иванов Вяч. 1977: 637].

В области выявления анаграммируемого слова-имени в тексте большое число работ принадлежит в рамках декларируемой школы именно Вяч.Вс. Иванову и В.Н. Топорову. Таково, например, исследование Вяч.Вс. Иванова «О композиционной роли фамилии героев у Достоевского: Смердяков» [Иванов Вяч. 2000: 105]. Вяч.Вс. Иванов показывает, что имя этого персонажа соотносится в романе с повторяемой темой *смрада, смерти*, прилагательным *смердящий*; нагнетание этих созвучий подводит к имени Смердякова.

Вяч.Вс. Иванов демонстрирует анаграмматическое кодирование и в двух стихотворениях О. Мандельштама: *Пусти меня, отдай меня, Воронеж и Соломка звонкая, соломинка сухая* [Иванов Вяч. 2000: 435–439]. Более того, оказывается, что и шифтерные элементы могут служить идее анаграммирования. Так, у Гёльдерлина имя Диотима (настоящее имя – Susette Gontard) анаграммируется через шифтеры:

Göttern mit Helden dich nennt und dir Gleich.

Suchst du die Deinen in Sonnenlichte [Иванов Вяч. 2004: 583].

Работ В.Н. Топорова об анаграммах, скрытых в тексте, так много, что имеет смысл остановиться только на нескольких. Пожалуй, наиболее известна его статья «“Скрытое” имя в русской поэзии» [Топоров 2007д]. Анализируя стихи поэтов XIX – начала XX века, В.Н. Топоров со всей скрупулезной тщательностью выявляет «скрытое» имя *Марии Лазич* в поэзии Фета, имя *Маргарита* в поэзии Вячеслава Иванова, имя *Валерий* в стихах самого Валерия Брюсова и более сложно закодированное имя *Морозовой (Зариной)* у Андрея Белого.

В историческом плане здесь нужно в первую очередь сказать о работах А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского и близкого им во многом А.А. Гиппиуса [Литвина, Успенский 2003; 2006¹⁰; 2007] и др. За последние десять лет ими написано на эту тему множество исследований, проведены семинары, круглые столы, конференции, прочитаны спецкурсы на разных факультетах – словом, создана почти автономная школа изучения текста. До их исследований имяназачение у древних конунгов и русских князей прини-

¹⁰ Последний труд представляет собой огромную монографию (740 страниц), снабженную таблицами, династическими деревьями, списками имен князей и т.д.

мали как существующий факт и мало обращали внимания на то, почему в одних случаях в летописном тексте выступало христианское имя, а в других – языческое имя князя, почему так или иначе называли внебрачного сына конунга или племянника русского князя. Так, например, в первой из названных работ обсуждается переход словообразовательного элемента от предков к потомкам. Например, *Рог-неда* соотносится с *Рог-володом*; элемент *-полк* является династически неслучайным и под. Лингвистически интересным является возможность перехода династически значимого элемента от первой части слова ко второй: например, *Влад-* > *-волод* и т.д.

Даже грамматические трактаты, дидактические сочинения, будучи прочитанными как текст-пространство, могут дать нам неожиданное понимание функции в них антропонима. Эта задача была поставлена и во многом решена Н.Н. Запольской [Запольская 2001]. Анализируя дидактические сочинения – «Трактат о осми частѣхъ слова», «Грамматіки Славенския правильное синтагма» М. Смотрицкого и «Грамматіка Словенска» Лаврентия Зизания, она приходит к выводу, что «словари и грамматики представляли разный подход к “раскрытию” собственных имен: словари-ономастиконы содержали толкования имен, т. е. давали имена в статике, грамматики, представляя “именники”, демонстрировали функции, заданные Богом при “именовании” людей, т.е. давали имена в динамике» [Запольская 2001: 114]. Так, в первом дидактическом пособии фигурировали Петр, Павел и Матфей: один «учил», второй «передавал послание», третий – «благовествовал». У М. Смотрицкого обучали Петр и Анна (пророчица)¹¹.

9. Выше говорилось о функции имени-в-тексте как средстве раскрытия неочевидных сюжетных мотивов и ходов. Такие работы существуют, и их становится все больше. Наиболее проработанным в этом плане можно считать исследование А.Б. Пеньковским повести А.С. Пушкина «Гробовщик» [Пеньковский 2007]. «На службу центральному повествованию призваны и все без исключения собственные имена повести, что особенно ярко свидетельствует о ее игровой природе» [Пеньковский 2007: 214]. Так *Гот-либ* ('любовь Бога') *Шульц* (нем. *Schulze* 'староста', оптимистический немец, противостоит угрюмому *Ад-риану Прохорову*, в чьей фамилии просвечивают анаграмматически *похороны*, а в имени – *ад*¹². Большое место в исследовании А.Б. Пеньковского занимает и фигура мертвеца Петра Петровича Курилкина: «В трехкомпонентном именовании Петр Петрович Курилкин все не случайно и все в равной степени значимо: не только выбор фамильного имени <...>, но и выбор личного имени, и выбор таутонимической модели его именованія (традиционной в русском народно-поэтическом языке модели именованія “смешных страшилищ” по отчеству» [Пеньковский 2007: 216]. По мысли А.Б. Пеньковского, явившиеся мертвецы – носители жизни, которой так не хватает (психологически) нашему Скруджу – Прохорову.

Также разведены ономастически в тексте две ведущие фигуры повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». В очень большом монографическом исследовании, посвященном этой небольшой повести, В.Н. Топоров показывает нарративную смелость Карамзина, сломавшего стереотип Лизы (Лизетты) в литературной традиции. Писатель в этой повести именем героини создает «эффект неожиданности». В это время стандартной была Лиза французской комедии – «обычно служанка-горничная (камеристка), наперсница своей молодой госпожи. Она молода, хороша собой, но и бойка, развязна, все понимает с полуслова, особенно когда дело идет о любовных интригах»

¹¹ Вероятно, именно отсюда ведет свое начало однообразно мелькающий *Петя* наших современных примеров. «Скрытая память» доносит, возможно, и восходящие к старине анекдоты о задающих вопросы Петьке и Анке.

¹² На внутритекстовое противопоставление Готлиба Шульца и Адриана Прохорова обращает внимание и М. Ланглебен [Ланглебен 2001]. Она видит их противостояние в эвфонической стороне их имен.

[Топоров 1995а: 135]. Далее В.Н. Топоров показывает на большом материале, что «текст Лизы (Луизы и под.)» не столь комедичен, что Карамзин показал «новую Лизу». Карамзинскую Лизу зовут Лизавета Ивановна. Это ведет и к Лизе (Лизавете Ивановне) из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина и к несчастной Лизавете (Ивановне), убитой Раскольниковым.

Антропонимы в тексте могут служить некими ключами, намекающими на прецедентный текст или на прецедентную ситуацию. Так, в моей статье, посвященной разбору лермонтовской поэмы [Николаева 2006], среди многих «ключей» не антропимического плана («иностранность» Кирибеевича, его очевидная усыновленность, обеднение честного купца Калашникова, неуместная болтливость красавицы жены, обещание царя помогать семье купца и проч.) само имя Калашников несомненно является ключом. Оно дает понять, что речь идет о трагедии А.С. Пушкина, так как крестьянской любовницей Пушкина была Ольга Калашникова, дочь его управляющего, и это было всем известно.

Таковыми же ключами послужили для моей статьи [Николаева 2007] указания А.Б. Пеньковского в его исследовании о «Маскараде» на то, что князь Звездич и баронесса Штраль являются персонажами для русской культуры сомнительными (я опускаю подробную мотивацию А.Б. Пеньковского), но они по сути действуют в паре и в антропимическом плане: Звезда и Луч (Strahl). Общение с ними губит Нину. Все это дало мне основание предположить, что за этой парой просвечивает иная пара: Виконт де Вальмон и Маркиза Мертей (разумеется, сходство обнаруживается также и в сходных репликах, и в сходных ситуациях).

Наконец, изощренным текстовым приемом может служить «псевдоперемена» имени героев, как это делает Б. Пастернак в повести «Апеллесова черта» (см. об этом [Цивьян (в печати)]).

При внимательном анализе соотношение антропонимов в тексте «последней воли» и текстах вариантов тоже поддается интерпретации. Так в очень маленькой и очень изящной статье М.И. Шапира [Шапир 2001] (интересно, что эта публикация помещена в том же номере журнала, что и «критический» обзор Е.Л. Березович) обсуждаются три варианта имени няни Татьяны Лариной: Фадеевна > Филиппьевна > Филатьевна. М.И. Шапир, детально анализируя эти имена и их историю, считает, что Пушкин стремился к «большей простонародности». «Простонародность этого патронима (Филатьевна. – Т.Н.) всячески подчеркнута <...> Без сомнения, Пушкин учитывал социальную окраску этого имени» [Шапир 2001: 63].

10. Итак, в настоящем художественном произведении достаточной протяженности антропонимы, как правило, создают внутреннюю инфраструктуру¹³. Однако в последнее время для исследователей антропимики стал понятен (как сознательно маркированный в тексте) и такой прием, когда названные по имени персонажи противопоставлены персонажам безымянным. И это противопоставление действительно поддается содержательной интерпретации.

Пример анализа такого противопоставления – работы И. Фужерон о рассказе В. Гроссмана «В городе Бердичеве» [Фужерон 2001; Фужерон (в печати)]. В этом рассказе сопоставляются два мира: мир красных бойцов и тихий мир еврейского города. «Если у красных только два персонажа наделены именами <...>, то со стороны города все участники действия персонализированы <...> Ребенок оказывается связующим звеном между наполненными звуками жизни, человеческими чувствами и наделенными именами миром еврейского города и бесчеловечным, “безымянным” миром войны» [Фужерон 2001: 154]. Тот же прием, как описывает И. Фужерон, применяет В. Гроссман

¹³ Разумеется, «ключи» к прецедентному тексту или к прецедентной ситуации создаются не только антропонимами, но и аппелятивами, или и теми, и другими совместно. Темой же настоящей статьи являются только антропонимы.

в рассказе «Жизнь», где маленький отряд красноармейцев противостоит немецкому окружению. «И здесь различие между представлением лагерей проходит по наличию или отсутствию имен» [Там же].

Этой же теме – маркированной безымянности – посвящены и работы Н.В. Васильевой [Васильева 2001; 2005; 2007]. Глубокий анализ творчества М. Кундеры дал ей возможность выявить шесть пар соотношения имя / безымянность, поскольку необходимо «различать безымянность¹, ‘неимение имени’ (ср. *безымянная речка*), безымянность², ‘незнание имени’ (ср. *безымянные герои*) и безымянность = анонимность, т.е. ‘сокрытие имени’ (ср. *анонимный звонок*)» [Васильева 2001: 158].

Сокрытие имени той Единственной (Марины Басмановой) в сборнике И. Бродского «Часть речи» компенсируется сложными намеками, даже «этнического» характера: *кайсацкое имя, косые скулы, пропуск в Орду* и т.д., просто местоимением – Ты. Но имя адресата не упоминается (см. об этом [Ряпина (в печати)]).

11. Итак, я постараюсь ответить на вопросы, поставленные в начале статьи.

- Безусловно, текстовая антропонимика, или изучение *имени-в-тексте*, имеет свою специфику и может считаться самостоятельной ветвью языкознания, включаясь в целом в лингвистические методы изучения «неочевидных смыслов» текста. Мифологические и мифопоэтические тексты в этом смысле вполне могут быть приравнены к художественным текстам более позднего времени.

Почему все же – ветвью **я з ы к о з н а н и я**? Вероятно, потому, что антропонимы в тексте так же требуют интерпретационной разгадки, как и топонимы (или псевдонимы), а текст есть один из вариантов нашей общечеловеческой вербальной коммуникации. Может быть, действительно, «текстовая разгадка» требует подчас опоры на интуицию и/или на большой диапазон фоновых знаний, но она – в случае удачи – может помочь только при высочайшей подготовке специалиста (см. выше – как пример – о работах В.Н. Топорова).

- Статья имела несколько обзорный характер поневоле. Я считала необходимым показать широту исследований этого плана и – насколько это оказалось возможным – реальность и действенность методологии в решении поставленных задач.
- Ответ на последний вопрос – почему подобные исследования так охотно читают и так неохотно на них ссылаются – остается по-прежнему самым трудным. Я думаю, что причина в том, что внутренний мир текста не идентичен окружающей нас «картине мира» и в каждом случае индивидуален. Однако виртуальные миры мифологических и художественных текстов столь же объективны и столь же поддаются проверенным методам исследования, как и те явления, которые изучает широко распространяющаяся когнитивная наука или наука о традиционной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович 2001 – Е.Л. Березович. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // ИАН СЛЯ. 2001. Т. 60. № 6.
- Березович 2007 – Е.Л. Березович. *Афанас, Афанас провалился нынче в квас...* (о формировании коннотативного спектра одного личного имени) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007.
- Брагина 2001 – Н.Г. Брагина. Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Валянтас 2001 – С. Валянтас. Семантическая аура личных имен (на материалах балтийских языков) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Васильева 2001 – Н.В. Васильева. Имя и безымянность (по текстам Милана Кундеры) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Васильева 2005 – Н.В. Васильева. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
- Васильева 2007 – Н.В. Васильева. Поэтика безымянности (по мотивам Милана Кундеры) // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.

- Вельмезова 2001 – *Е.В. Вельмезова*. Имена собственные в двух эволюционистских теориях начала XX века // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Голомидова 1998 – *М.В. Голомидова*. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Двинятин 2001 – *Ф.Н. Двинятин*. Пословичный Фома // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 2. М., 2001.
- Дмитровская 2001 – *М.А. Дмитровская*. Ономастикон Андрея Платонова: *Илья* // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 2. М., 2001.
- Душечкина 2001 – *Е.В. Душечкина*. Семантическая история одного имени (от *Светланы* к *Светке*) // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 2. М., 2001.
- Душечкина 2007 – *Е.В. Душечкина*. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007.
- Елизаренкова 2001 – *Т.Я. Елизаренкова*. Об имени в «Ригведе» // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Запольская 2001 – *Н.Н. Запольская*. Библейское антропонимическое пространство в славянских грамматических трактатах XIV–XVII вв. // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Иванов Вяч. 1964 – *Вяч.Вс. Иванов*. Происхождение имени Кухулина // *Проблемы сравнительной филологии*. М.; Л., 1964.
- Иванов Вяч. 1976 – *Вяч.Вс. Иванов*. Иллирийское *Καὺν-δαῶν* как отражение древнебалканского и общиндоевропейского текста мифа о геросе – убийце Пса-Волка // *Симпозиум по структуре балканского текста: Тезисы докл. и сообщ.* М., 1976.
- Иванов Вяч. 1977 – *Вяч.Вс. Иванов*. Об анаграммах Ф. де Соссюра // *Соссюр де Ф. Труды по языкознанию*. М., 1977.
- Иванов Вяч. 1998 – *Вяч.Вс. Иванов*. Очерки по предыстории и истории семиотики // *Вяч.Вс. Иванов. Избранные работы по семиотике и истории культуры*. Т. 1. М., 1998.
- Иванов Вяч. 2000 – *Вяч.Вс. Иванов*. О композиционной роли фамилии героев у Достоевского: *Смердяков* // *Вяч.Вс. Иванов. Избранные статьи по семиотике и истории культуры*. Т. 1. М., 2000.
- Иванов Вяч. 2001a – *Вяч.Вс. Иванов*. Древнемалоазийские имена бога вина // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Иванов Вяч. 2001b – *Вяч.Вс. Иванов*. Языковые следы мифологии имени // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Иванов Вяч. 2004 – *Вяч.Вс. Иванов*. К проблеме шифтеров в анаграмматически построенном тексте // *Вяч.Вс. Иванов. Избранные статьи по семиотике и истории культуры*. Т. III. М., 2004.
- Иванова 2001 – *С.Л. Иванова*. Тиражированная единственность, уникальное множество и тождественный повтор – семантический опустошитель // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 2. М., 2001.
- Кагарлицкий 2003 – *Ю.В. Кагарлицкий*. Риторика уподобления и риторика соревнования // *Именослов. Заметки по исторической семантике имени*. М., 2003.
- Ланглебен 2001 – *М.М. Ланглебен*. Звуковой континуум имен в «Гробовщике» Пушкина // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 2. М., 2001.
- Литвина, Успенский 2001 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Роль имени в организации и разрушении мифа («Младшая Эдда» как памятник переломной эпохи имени) // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Литвина, Успенский 2003 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Варьирование родового имени на русской почве: об одном из способов имяназечения в династии Рюриковичей // *Именослов. Заметки по исторической семантике имени*. М., 2003.
- Литвина, Успенский 2006 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Литвина, Успенский 2007 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // *Именослов. Историческая семантика имени*. Вып. 2. М., 2007.
- Матвеев 2006 – *А.К. Матвеев*. Ономатология. М., 2006.
- Невская 2001 – *Л.Г. Невская*. Из балто-славянского ономастикона: *potīna pgorģia* с элементом «гость» // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1. М., 2001.
- Николаева 1997 – *Т.М. Николаева*. «Слово о полку Игореве». Лингвистика текста и поэтика. М., 1997.

- Николаева 2001 – Т.М. Николаева. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Николасва 2006 – Т.М. Николаева. Пушкин, Лермонтов и купец Калашников // ИАН СЛЯ. 2006. № 4.
- Николаева 2007 – Т.М. Николаева. Князь Звездич и баронесса Штраль – кто они такие? // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.
- Пеньковский 2003 – А.Б. Пеньковский. НИНА. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003.
- Пеньковский 2007 – А.Б. Пеньковский. Пушкинский текст и текст культуры: о *Петре Петровиче Курилкине*, о покойниках и мертвецах, о «*гробах напрокат*», о желтом цвете и о многом другом («Гробовщик») // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.
- Потебня 1990 – А.А. Потебня. Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Ряпина (в печати) – Т.В. Ряпина. И. Бродский. Неназванное имя: «Часть речи» (в печати).
- Сальмон 2002 – Л. Сальмон. Личное имя в русском языке. Семиотика, прагматика перевода. М., 2002.
- Седакова 2007 – И.А. Седакова. Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.
- Соливетти 2001 – К. Соливетти. Имя как искаженное отражение // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Соссюр де 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Суперанская 2007 – А.В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 2007.
- Топоров 1983а – В.Н. Топоров. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Топоров 1983б – В.Н. Топоров. Русск. *Святогор*: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // Славянское и балканское языкознание. Проблема языковых контактов. М., 1983.
- Топоров 1986а – В.Н. Топоров. К реконструкции «прото-Ахилла» // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1986.
- Топоров 1986б – В.Н. Топоров. Две заметки о Тантале // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1986.
- Топоров 1989 – В.Н. Топоров. Имя как фактор культуры // Всесоюзная науч.-практич. конф. «Исторические названия – памятники культуры», апрель 1989. М., 1989.
- Топоров 1993 – В.Н. Топоров. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. Братислава. Сентябрь 1993. Доклады Российской делегации. М., 1993.
- Топоров 1994 – В.Н. Топоров. О мифопоэтическом пространстве. Pisa, 1994.
- Топоров 1995а – В.Н. Топоров. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995.
- Топоров 1995б – В.Н. Топоров. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Топоров 1997 – В.Н. Топоров. Пространство и текст // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997.
- Топоров 2001а – В.Н. Топоров. Из теоретической ономатологии // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Топоров 2001б – В.Н. Топоров. О мифопоэтическом образе Семена и Семеновны в русской традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Топоров 2003 – В.Н. Топоров. Вместо предисловия. В.Н. Топоров – автору книги // А.Б. Пеньковский. НИНА. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003.
- Топоров 2004а – В.Н. Топоров. Имя как фактор культуры // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004.
- Топоров 2004б – В.Н. Топоров. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом контексте // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004.

- Топоров 2007а – В.Н. Топоров. К интерпретации былины «Путешествие Вавилы со скоморохами» // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007б – В.Н. Топоров. Πύθων, Ahi Budhnyà, Бадньак и др. // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007в – В.Н. Топоров. Древнегреческие μακάρ, μακάριος и др. // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007г – В.Н. Топоров. Об одном архаичном переживании: похороны Сидора Карповича // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007д – В.Н. Топоров. «Скрытое имя» в русской поэзии // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Флоренский 2007а – П. Флоренский. Имена. М., 2007.
- Флоренский 2007б – П. Флоренский. Тайна имени. М., 2007.
- Фужерон 2001 – И. Фужерон. Имя и «безыменность» как прием расстановки сил и выражения авторского отношения к персонажам (на примере рассказов В. Гроссмана) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Фужерон (в печати) – И. Фужерон. Имя и «безыменность» как прием выражения авторского отношения к персонажам (в печати).
- Цивьян (в печати) – Т.В. Цивьян. Еще раз об именах в повести Б. Пастернака «Апеллесова черта» (в печати).
- Шапир 2001 – М.И. Шапир. Как звали няню Татьяны Лариной? (Из комментариев к «Евгению Онегину») // ИАН СЛЯ. 2001. № 6.